

Тань Юмин остолбенел. Телефон выскользнул из рук и упал на диван. Шэнь Цзуннянь посмотрел на его изменившееся лицо, помолчал секунду, затем наклонился, поднял смартфон и протянул ему.

Тань Юмин пару секунд приходил в себя, прежде чем взять телефон и пролистать новости дальше.

«По эксклюзивной информации ТСВ, госпожа Се скончалась ещё пятнадцать дней назад, врачам не удалось её спасти...»

«В праздники принято скрывать вести о смерти, поэтому инсайдеры слили информацию только сегодня. Семья Се не раскрывает точное время смерти. Се Жуйго, Се Чжэньлинь и другие причастные отказываются от любых комментариев...»

«По сообщениям репортёров нашего канала, дежурящих на горе Миншань, молодой господин Се несколько часов стоял на коленях перед воротами дома, умоляя впустить его. Его плач не стихал до самого рассвета, после чего телохранители сбросили его со склона...»

«С 8:40 сегодняшнего утра вокруг особняка начали появляться траурные букеты».

«С начала девяностых годов прошлого века госпожа Се много лет посвятила благотворительности. Она открыла школы для девочек в Яуматэй, Локмачау и других районах, активно участвовала в продвижении реформы системы церковного образования нулевых годов, выступая за сбалансированное объединение китайских и западных методов обучения...»

«В настоящий момент особняк семьи Се перекрыл все подъездные пути к горе Миншань. Наш канал продолжит следить за развитием событий в прямом эфире...»

Девятнадцатого числа семья Се выпустила официальный некролог. Все четверо членов семьи Тань облачились в строгие чёрные костюмы и отправились на гору Миншань, чтобы выразить соболезнования.

«Линкольн» петлял по горному серпантину. Весна уже полностью вступила в свои права, пробившись сквозь остатки зимы. Стайки птиц слетались, возвещая о её приходе.

Дикие рододендроны буйно разрослись, укрывая склоны холмов, словно тяжёлое ватное одеяло. Особняк Се с его белыми зданиями на этом фоне походил на огромную, пугающе алую могилу.

Когда они прибыли в резиденцию Се, внутри уже собралось немало людей.

Семья Тань прислала два траурных венка — от старшего и младшего поколений.

Траурные ленты семьи Тань, начинающиеся с обращения «К госпоже Цзэн Ни», сильно выделялись на фоне бесконечных одинаковых надписей «Госпоже Се», выглядя почти неуместно.

Распорядители переглянулись, сомневаясь, соответствует ли это правилам.

Но Гуань Кэчжи и Тань Юмин посмотрели на них сверху вниз с такими непроницаемыми лицами, что те побоялись даже рта раскрыть.

Гуань Кэчжи сдвинула чёрные солнечные очки и строгим голосом спросила:

— Какие-то проблемы?

Сегодня она собрала свои длинные чёрные волосы в низкий хвост. Олицетворение скорби и строгости, в своей чёрной одежде она походила на суперагента с подавляющей аурой.

Распорядитель открыл было рот, но выдавил:

— ...Никаких проблем, президент Гуань.

С печальным и суровым лицом Гуань Кэчжи пошла вперёд плечом к плечу с Тань Юмином. Тань Чуншань и Шэнь Цзуннянь следовали за матерью и сыном.

Семьи Се и Цзэн не позволили присутствовать на прощании простым горожанам и подопечным благотворительного фонда. Траурные приглашения разослали лишь влиятельным кланам.

Там, где собирались подобные люди, даже траурный зал превращался в площадку для ярмарки тщеславия и карьерных лестниц. Многие, казалось, не ожидали увидеть здесь Тань Чуншаня и Гуань Кэчжи, и то и дело подходили перекинуться парой слов. В конце концов, в последние годы семью Се вышвырнули из высшего общества, и она превратилась в клан второго эшелона, чья слава давно закатилась.

Се Жуйго тоже был польщён их визитом. Он подошёл завязать разговор, используя фальшивые слова скорби в качестве предлога.

Гуань Кэчжи смотрела на него. В прессе пестрели заголовки о том, как старик Се поседел за ночь от горя. Но она не чувствовала от него ни капли искренней печали.

Гуань Кэчжи чувствовала лишь раздражение и усталость, поэтому отвечала холодно. Се Жуйго это явно не понравилось, но Тань Чуншань, Тань Юмин и Шэнь Цзуннянь возвышались вокруг неё, как три неприступные горы. Ему оставалось лишь проглотить своё недовольство.

В траурном зале стоял алтарь с курильницами, подношениями, свечами и лампами. С огромного чёрно-белого портрета на каждого входящего смотрела женщина лет пятидесяти. Её лицо было безмятежным и чистым.

По обеим сторонам от алтаря висели свитки с жизнеописанием покойной. В них рассказывалось, какой мудрой, щедрой, трудолюбивой и экономной хозяйкой дома была Цзэн Ни. О том, как она, будучи старшей дочерью семьи Цзэн, была почтительной дочерью и поддержкой для своего клана.

А вот её личным достижениям было посвящено всего несколько скупых строк.

Гуань Кэчжи мельком пробежалась по тексту. В душе смешались скорбь и гнев. И чем только семья Се заслужила такую женщину?

Семья Се пригласила даосских монахов для проведения обряда. Четверо членов семьи Тань возжгли благовония, поклонились и сожгли бумажные слитки и дома, пока монахи пели поминальные сутры.

Гуань Кэчжи смотрела в глаза Цзэн Ни. На самом деле они не были близкими подругами, и по логике вещей им с Тань Чуншанем вовсе не обязательно было приходить сюда лично.

Но в детстве они пару лет учились вместе в церковной школе для девочек, да и смерть Цзэн Ни была слишком внезапной.

В памяти Гуань Кэчжи Цзэн Ни осталась очень традиционной, но в то же время невероятно мягкосердечной девушкой. Се Чжэньлинь с самого детства часто бывал в доме семьи Тань. Он вырос чистым и хорошим парнем с отличным характером. Как всё могло закончиться вот так?

В новостях пестрели самые разные, порой бредовые версии произошедшего. Но, глядя на то, как сегодня вела себя семья Се, Гуань Кэчжи, выросшая в семье чиновников, остро чувствовала какой-то абсурд и нестыковку.

Неужели её одноклассница действительно умерла лишь из-за ориентации сына? Сохранила ли она вообще своё имя после десятилетий жизни в семье Се? Был ли среди всех присутствующих хоть кто-то, кто искренне горевал и скорбел по ней?

Действительно ли Цзэн Ни была той матерью, что готова шантажировать сына собственной смертью? Или же она стала рычагом давления в руках Се Жуйго? А может, её просто принесли в жертву ради баланса сил между семьями Се и Цзэн?

Но историю мёртвых всегда пишут живые. Богатые кланы виртуозно умеют пускать пыль в глаза. Семья Се уже забила гвозди в крышку гроба её репутации, и теперь никто не узнает правды.

Тань Юмин прошёл от переднего двора до самого траурного зала, но так и не увидел Се Чжэньлиня. Даже распорядителем на похоронах выступал племянник семьи Се.

После Нового года он никак не мог дозвониться до него. Вспомнив слухи из новостей, Тань

Юмин всё сильнее хмурился от беспокойства. Неужели семья Се оказалась настолько жестокой, что даже не позволила матери и сыну попрощаться?

Его малейшее беспокойство не укрылось от глаз Шэнь Цзунняня. Подобная картина была слишком жестокой для Тань Юмина, который никогда по-настоящему не сталкивался со смертью. Шэнь Цзуннянь хотел по привычке поддержать его за спину, но его рука лишь дернулась, сжалась в кулак и так и осталась висеть вдоль тела.

С того самого момента, как он вошёл в зал, любящие материнские глаза Цзэн Ни словно сверлили его насквозь. Этот портрет был подобен волшебному зеркалу, обнажающему истинную суть демонов. Под этим взглядом Шэнь Цзуннянь чувствовал себя раскрытым, ему негде было спрятаться.

Белые цветы, свечи, мрачный гроб. Каждый скорбный плач, каждая нота погребальной песни звучали как пытка, как набат. Они оглушали, ясно и чётко показывая ему, к чему приведёт путь, который он выбрал.

Ад был очень близко.

Стоит ли делать ещё один шаг вперёд?

И кого ты собираешься потянуть за собой?

Лицо Шэнь Цзунняня оставалось бесстрастным. Он стоял прямо, как струна, но его спина покрылась тонкой испариной.

Души, ожидающие перерождения, парили над пламенем алтаря. Белые бумажные деньги, разлетающиеся по залу, казались пронизывающим снегопадом, выпавшим на этом тропическом острове.

Когда подошла очередь Шэнь Цзунняня воскурить благовония, столбик раскалённого пепла отломился и упал ему прямо на тыльную сторону ладони. словно предупреждение свыше.

Острая боль от ожога мгновенно расползлась по коже, но Шэнь Цзуннянь даже не поморщился. По залу пронёсся сквозняк. Кусочек белой ритуальной бумаги прилип к его воротнику. Такой лёгкий, невесомый клочок, но на плечи словно лёг многотонный груз.

Солнце клонилось к западу. Тень от алтаря постепенно поглощала Шэнь Цзунняня, пока на полу не осталось ни кусочка его собственной тени.

Перед мрачным алтарём каждый погрузился в свои мысли. Монотонное бормотание монахов оседало в их душах густым туманом.

Слишком много людей пытались завязать разговор. Гуань Кэжи ненавидела подобное лицемерие. Да и методы семьи Се вызывали у неё отторжение. Бросив на портрет Цзэн Ни последний взгляд, она ушла раньше времени, оставив Тань Юмина и Шэнь Цзунняня представлять семью Тань до конца церемонии.

Тань Юмин видел, что настроение у матери хуже некуда, и постарался немного её утешить. Хотя сам он тоже был как в тумане. В голове одна за другой всплывали редкие сцены встреч с Цзэн Ни. Вот она в детстве держит на руках маленького Се Чжэньлиня и учит его говорить «братик». Вот во время школьной весенней поездки она раздаёт детям сладкий десерт с манго и помело...

Эта тихая и добрая тётушка теперь превратилась в сухую, ледяную строчку «госпожа Се» в некрологе. Больше никто не узнает, с какой любящей улыбкой она смотрела на своего сына, каким нежным был её голос...

Кое-как они дождались момента прощания с телом. Гости выстроились в ряд, зазвучала траурная музыка. Подходило время закрывать гроб. Лицо Цзэн Ни стало дюйм за дюймом скрываться под крышкой...

Внезапно из переднего двора донёсся громкий шум и крики. Фигура, похожая на дикаря, отчаянно вырвалась из рук четырёх или пяти телохранителей и ворвалась в зал.

— Мама!!! Мама!

— Не уходи, мама! Я понял, что был неправ, мама...

Растрёпанный, грязный Се Чжэньлинь с лицом, залитым слезами, буквально бросился к гробу. Цепляясь за края, он не давал монахам закрыть крышку, отчаянно пытаясь взглянуть на мать в последний раз.

Мужчина ростом почти под метр девяносто рыдал навзрыд. Он походил на огромного, брошенного на обочине пса — жалкого и разбитого. Каким бы большим и взрослым ни был человек, перед своей матерью он всегда остаётся маленьким ребёнком.

Он так давно не видел маму. Ещё до Нового года, когда он вернулся из-за границы, Се Жуйго запретил ему переступить порог дома и не пускал в больницу. Чтобы скрыть информацию, у дверей выставили усиленную охрану. Се Чжэньлинь даже не подозревал, что мама так тяжело больна.

— Ты же говорила, что это всего лишь небольшие проблемы! Мама, почему всё так обернулось?

— Се Чжэньлинь захлёбывался слезами. Он в исступлении бился лбом о край гроба, оставляя на дереве кровавые следы. — Ты же говорила, что хочешь повидаться с Сяо Суем. Ты меня обманула, мама?

— Это чтобы наказать меня, мама? Мы же договаривались...

— Договаривались, что поужинаем вместе, когда я вернусь из-за границы... — Се Чжэньлинь вцепился в гроб так крепко, что из-под ногтей выступила кровь. — Почему всё так, мама...

— Проснись, пожалуйста! Я понял свою ошибку. Проснись, ну пожалуйста! Я буду слушать всё, что ты скажешь! Я больше никогда не заставлю тебя злиться!

— Мама, умоляю тебя!

Человек в гробу не двигался. Огромный пёс, брошенный под дождём, окончательно впал в отчаяние.

Глаза Тань Юмина защипало. Он отвернулся, не в силах больше на это смотреть. В этот момент он вдруг необычайно отчётливо осознал: этот здоровяк Се Чжэньлинь на самом деле младше его на несколько лет. Он был всего лишь неоперившимся юнцом, едва ступившим во взрослую жизнь.

Он почти никогда не видел, чтобы этот младший брат так плакал. Раньше, когда у семьи Се всё было хорошо, Се Чжэньлинь и Чжо Чжисюань целыми днями бегали хвостиком за Тань Юмином. Чжо Чжисюань никогда не называл его братом, и только Се Чжэньлинь бегал за ним с криками «брат Юмин».

Когда Тань Юмин приносил им печенье, испечённое их домашней экономкой, Чжо Чжисюань забирал себе лишнюю коробку. Стоило Тань Юмину указать на это, как Се Чжэньлинь понимающе чесал затылок и говорил: «Ничего страшного, пусть брат Чжисюань ест. Мне и этого хватит».

В следующий раз, когда Тань Юмин принёс лишнюю коробку специально для него, Се Чжэньлинь спрятал её в рюкзак и сказал, что отнесёт домой, чтобы мама попробовала.

Он был всеобщим разумным, жизнерадостным младшим братом. И теперь у этого брата больше не было мамы.

С покрасневшими глазами Се Чжэньлинь безутешно рыдал, умоляя маму вернуться:

— Мама, если тебе не нужен я, неужели тебе не нужен и Шишка? — «Шишка» — так звали любимую собачку мамы. — Он будет скучать, если не дождётся тебя, мама...

Се Жуйго велел охране оттащить его и гневно заорал:

— Бесстыжий ублюдок! Как ты смеешь здесь появляться?! Твоя мать умерла от злости из-за тебя! Эй, вы, выбросьте его отсюда! И если он снова прорвётся, считайте, что вы уполнены!

<http://bllate.org/book/17117/1607486>